

— Что случилось, почему ты так приехал? — Он тут же подошёл и взял руки Цзян Мэнлиня, они были ледяными. Немедленно бросив все вещи на землю, он снял свою шапку и пальто, чтобы надеть их на Цзян Мэнлиня, а затем, взяв вещи и взяв его за руку, повёл в часть.

Он был почти на две головы выше Цзян Мэнлиня, и пальто, доходившее ему до щиколоток, на Цзян Мэнлине волочилось по земле. Ему пришлось одной рукой подобрать подол, жалуясь:

— Если бы я знал, я бы пошёл служить вместе с тобой. Армия действительно закаляет. Я весь день устаю, слишком много думаю, все питательные вещества и кальций уходят в мозг.

На лице Суна появилась лёгкая улыбка:

— Ты можешь пожить здесь несколько дней. Я поговорил с командиром роты.

Теперь он говорил чуть менее лаконично, чем раньше, но всё ещё очень кратко. Однако для Цзян Мэнлиня такая манера речи была самой комфортной.

Вход в часть был строго охраняем, и Цзян Мэнлинь, словно обезьяна, проходил через множество контрольно-пропускных пунктов. Поскольку в городе S выпал сильный снег, и снежный покров был очень глубоким, утренние тренировки были отменены. По пути, видя солдат, которые, низко наклонив головы, уклонялись от снега, Цзян Мэнлинь почувствовал тепло в сердце.

«Я уже слишком давно отошёл от этой жизни. С тех пор, как уволился, и до последующего падения, я редко связывался с бывшими товарищами, да и сам не хотел видеть этих людей, чья судьба так разительно отличалась от моей, живущих в счастье».

«Но теперь, возродившись, я снова получил то, о чём раньше даже не смел мечтать. Если я не буду ценить это, то стану настоящим подлецом».

— Что случилось? — Заметив, что пульс Цзян Мэнлиня на мгновение изменился, Сун Цинской насторожился, обернулся к нему и немного сильнее сжал его руку. — Тебя плохо?

На нём был тонкий военный мундир, а на плече блестела одна полоска и три звезды. В начале года это звание должно было измениться.

Цзян Мэнлинь улыбнулся ему, но ничего не сказал. Сун Цинской, увидев его покрасневшие от холода руки, нахмурился и ускорил шаг.

Условия в военном округе были не самыми лучшими. В это время большинство военных жили довольно скромно. Хотя Сун Цинской получил повышение, он всё ещё жил в общей казарме с тремя соседями. Один из них был заместителем командира роты, высоким и крепким мужчиной с тёмным лицом по имени Бануха, из провинции G, представитель народа мяо. Двое других были командирами взводов из других рот, одного звали Ли Вань, другого — Чжоу Фукан. Все трое были уже не молоды.

В казарме было гораздо теплее, чем на улице, обогреватель направлял тепло на кровати. Цзян Мэнлинь поздоровался с тремя соседями Суна и вручил им новогодние подарки.

— Ух! — Многочисленные пакеты вызвали всеобщее восхищение. Все были непритязательны и сразу же начали их разбирать, наслаждаясь местными деликатесами.

— Зачем так церемониться, приехал бы и так, а ещё столько принёс... — Бануха, который

говорил на прекрасном путунхуа, с лёгким румянцем на тёмном лице, который было трудно заметить, держал в руках большой меховой рукав из городка R, явно восхищаясь им.

Цзян Мэнлинь представился как младший брат Суна, учившийся в Имперской столице и приехавший на зимние каникулы навестить брата.

Когда он так представился, Сун Цинсюй, стоявший к нему спиной и заправлявший постель, на мгновение замер, а затем его движения замедлились.

Цзян Мэнлинь был измотан, а Сун Цинсюй аккуратно разложил его вещи, подтолкнул его в душ, так как горячая вода подавалась только в эти часы, и если не поторопиться, можно было опоздать.

Чжоу Фукан, разобрав привезённые Цзян Мэнлинем сушёные морские огурцы, с наслаждением жевал их и, увидев, что Цзян Мэнлинь пошёл в душ, с улыбкой подколот Суна:

— Твой брат действительно мастер на все руки, у него большое будущее, совсем не похож на тебя... Скажи, вы от одной матери?

Сун Цинсюй мрачно посмотрел на него, но ничего не сказал.

«Значит... у него появился ещё один член семьи?»

Чжоу Фукан, не получив ответа и получив презрительный взгляд, не обиделся. Характер этого соседа они уже давно изучили. Хотя поначалу из-за этого у них было немало стычек, со временем они поняли, что он просто молчалив и не имеет плохих намерений.

Способности Суна были неоспоримы. Едва поступив на службу, он выделился среди новобранцев, заняв первое место в физической подготовке в роте. Позже, во время ликвидации последствий катастрофы, он проявил себя, обладая медицинскими знаниями, и спас почти сотню пострадавших, находившихся на грани смерти, что и принесло ему медаль за заслугу первой степени.

Хотя в армии ходили слухи, что у него есть связи наверху, но какая разница?

Его усилия были очевидны, и даже если бы связи и были, это не умаляло его заслуг.

Однако среди этих пожилых мужчин выделялся парень лет двадцати, что, несомненно, ударило по их самооценке. Но, к счастью, его невозмутимость не выдавала его возраста, и постепенно мало кто обращал внимание на то, сколько ему лет.

Цзян Мэнлинь принял горячий душ и почувствовал себя настолько расслабленным, что чуть не упал на пол. Выйдя, он вытер влажные волосы и, увидев мусорное ведро, полное обёрток, немного смутился.

«В каких условиях они живут...»

Сун Цинсюй подошёл и сам взялся вытирать его волосы. Цзян Мэнлинь, только что вышедший из душа, с покрасневшим от горячей воды лицом, выглядел уставшим и, прищурившись, действительно казался своим возрастом.

Цзян Мэнлинь, воспользовавшись моментом, прижался к нему:

— Постель готова?

Сун Цинсюй кивнул, продолжая вытирать волосы, и тихо сказал:

— В комнате нет лишней кровати. У нас в казарме не проверяют ночью. Ты можешь спать со мной, или я могу лечь на пол.

Он произнёс это с некоторой нервозностью. Хотя Цзян Мэнлинь не ставил себя выше него и был довольно близок, в его понимании слуга, добровольно продавший себя в услужение, не должен был говорить такие вещи. Он уже был готов лечь на пол, но слова Чжоу Фукана внезапно пробудили в нём желание проверить реакцию.

Цзян Мэнлинь не заметил ничего странного. Он знал, как обстоят дела в армии, и уже был готов к тому, что придётся делить кровать. Зимой это даже было кстати, так как можно было согреться. Что касается сна на полу...

Он почувствовал холод бетонного пола и поднял бровь.

«Неужели в глазах Суна он уже стал бесчеловечным подлецом? Чёрт...»

Увидев, как Цзян Мэнлинь прижимается к Сун Цинсюю, трое соседей переглянулись и тихо засмеялись. Они редко видели, чтобы «каменный» Сун проявлял столько эмоций.

«Эй? Подождите, почему у братьев разные фамилии?»

Конечно, они так и не задали этот вопрос. Волосы Цзян Мэнлиня высохли на обогревателе, и он, чувствуя усталость, почти сразу же заснул, упав на подушку.

Сун Цинсюй посмотрел на троих, всё ещё что-то жующих, мрачно взглянул и быстро лёг, прикрыв лицо Цзян Мэнлиня одеялом, убедившись, что не будет сквозняка, и, повернувшись к нему, стал смотреть на его лицо.

Цзян Мэнлинь был намного ниже его и, свернувшись на кровати, напоминал крота, лишённого чувства безопасности. Сун Цинсюй вспомнил, как его няня раньше делала ему массаж, и осторожно протянул руку, чтобы равномерно и ритмично похлопывать по спине Цзян Мэнлиня.

Цзян Мэнлинь, закрыв глаза, почувствовал, как в холодную постель забрался человек, и прижался к источнику тепла.

Теперь он редко спал глубоко, чаще всего его сон был поверхностным. Почувствовав, что кто-то подошёл к кровати, он наполовину проснулся, но глаза не открыл.

В комнате наступила тишина, а затем свет погас.

В темноте раздался тихий голос Цзян Мэнлиня:

— Цинсюй...

Сун Цинсюй тоже не спал, почувствовав тёплое дыхание на своей шее, и поднял бровь:

— Что?

Прижавшись к уху Суна, Цзян Мэнлинь рассказал ему о некоторых событиях в доме его матери в городе Н, а затем тихо сказал:

— Позвони домой, скажи... чтобы напомнили об арендной плате. Остальное не твоё дело.

<http://bllate.org/book/16657/1526745>